

С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРОЙ

Владимир Рузин

Теплая летняя ночь. Я, молодой художник, и 68-летний мэтр владимирского пейзажа Владимир Яковлевич Юкин возвращались из загородного ресторана, где чествовали ныне покойного графика Владимира Гавриловича Леонова, получившего почетное звание «Заслуженный художник России». До позднего вечера не могли разойтись. Владимир Яковлевич сидел за роялем и исполнял импровизации на тему итальянских песен, веселился, как ребенок. Наконец разошлись. Надо было идти пешком. А как иначе. Устали, присели на край придорожного газона. Юкин растянулся во весь рост на траве, и я прилежал рядом. Громадное небо обнажило перед нами звезды, открылась вечность. Мы лежали и молчали. Вдруг Владимир Яковлевич спросил: «Володь, а ты веришь в Бога?» И, не дожидаясь ответа, сказал: «А я — верю!» Это было сказано с такой убежденностью и с таким чувством, что я понял — разговор не обо мне. Художник приблизился к истинному.

Прошло много лет. Творчество основателей «владимирского пейзажа» получило признание. Владимир Яковлевич стал народным художником России, лауреатом Государственной премии, обладателем серебряной медали Академии художеств. В лучах славы и признания ушел он из этой жизни. Мы не раз встречались и раньше, и потом, говорили, но в памяти моей навсегда остался именно тот вечер, когда раскрылся весь диапазон его души: от веселого талантливого ребенка за роялем до мудрого мастера, в совершенстве овладевшего искусством живописи, соединившего в своем творчестве элементы народного и профессионального, точно расположившегося в том культурном пространстве, которое принимает с благодарностью его душа.

Владимир Яковлевич родился и вырос в поселке Мстёра Владимирской области, которая всегда была наполнена талантливыми самородками, обогащавшими культуру иконами, вышивками,

лаками, сканью и резьбой по дереву. Материальное всегда неразрывно связано с духовным и уходит корнями в национальные традиции.

Французский художник Давид сказал: «В искусстве мы изобретаем самих себя». Сказано точно в отношении ко всем видам искусства. В работах Юкина мы никогда не найдем изображения вражды, смерти, насилия. В основе его творчества лежит добро, его искусство дышит этим добром. Оно возникло именно во Мстёре, там, где существует неразрывное единство житейского и возвышенного, абстрактных понятий и их конкретное воплощение. И эта фраза, врезавшаяся мне в память: «А я — верю!», дает ключ к пониманию того, что в основе творчества Юкина лежит глубокая вера в вечное.

Гораздо позже я прочитал в одном из журналов ответ прекрасного живописца Аркадия Пластова на прямой вопрос о вере. Он сказал: «А без этого ничего путного не может создать художник». На мой взгляд, и Владимир Яковлевич, обратившись к вере, изобразительным символом которой является икона, подчинил живопись чистому смыслу, отбросив мелочные детали и тем самым освободив от блужданий ум. В своих работах, обобщающих образах он подводит нас к преодолению случайного и временного, акцентирует внимание на вечном.

К сожалению, я не был близким другом Владимира Яковлевича и не очень часто бывал в его доме, в мастерской. Но когда случалось, то я всегда поражался простотой общения с этим удивительным человеком, отсутствием какой-либо возрастной или профессиональной дистанции. Своим поведением в быту, всей обстановкой дома он как бы заявлял о том, что вечный человек живет среди временных вещей, недолговечных явлений и связей. Когда это окружение, эта бытовая среда для человека становится главным в этой жизни, то обрывается

В. Я. Юкин. Март

связь с вечным. Своим искусством он помогает восстановить эту связь.

За столом в мастерской, на котором обычно была простая русская еда, озвучивались глубокие философские мысли, которые ясно ложились на душу. Немного иронизируя над художественным образованием, которым гордились входившие в Союз молодые художники, он убеждал нас, что приобретенные знания не всегда помогают достичь внутренней гармонии, имеющей сердечную природу. Эти внутренние знания воспитываются с детства, приобретаются в результате долгой и упорной работы души, вместе с глубокой верой. Именно они являются той основой, на которую накладываются знания, приобретенные в учебных заведениях. Собранные по крупицам из разных источников те или иные сведения могут помочь сформировать образованного человека, но (что вполне возможно) бездуховного, лишенного основ человеческого бытия — веры.

Можно согласиться с Владимиром Яковлевичем в том, что приобрести душевные, сердечные накопления очень трудно через пополнение внешних зна-

ний, но последние в свою очередь не могут уничтожить ту внутреннюю культуру, которая передается из поколения в поколение.

Владимир Яковлевич Юкин, в моем представлении, очень быстро прошел через этот многовековой опыт и уже в 40-летнем возрасте обращался к живописным и пластическим иконописным образцам. В своих лаконичных пейзажах он ничего иллюзорного не изображает. Через цвет, монументальную форму он являет нам большое и вечное. Не прибегая к имитации иллюзорного пространства, он своей плоской и мощной живописью изображает святость бытия.

Живопись Юкина на первый взгляд кажется отвлеченной цветовой игрой, ковровой забавой. При более длительном общении с картиной убеждаешься, что она питается земными ощущениями, выраженными в их возвышенном звучании. Это почти всегда солнечно, жизне-радостно, очень точно найдено в натуре. Поражает умение художника находить в природе то, что лучше всего может быть передано живописью, возвысить это состояние до необыкновенно гармоничного аккорда, обращенного к сердцу.

